

Глава 1

Весна у нас в Бостоне — это целое событие, так и знайте. Когда после долгой-долгой зимы со снегом и льдом наконец-то наступают тёплые деньки, весь город немножко сходит с ума. Поэтому, когда в воскресенье после обеда мама посмотрела на термометр и объявила: «Пора совершить ежегодную семейную прогулку по Бостон-Коммон», я мигом схватила блокнот для набросков: ясно же, увижу кое-что интересное!

И увидела — ещё как! Мы всегда начинаем прогулку от скульптур «Дорогу утятам» — эти фигурки стоят в городском парке. На этот раз около утят возилась моя подруга Маргарет. Наклонившись над последним медным утёнком, она изо всех сил тёрла его намыленной губкой. А на руках у неё были резиновые перчатки.

— Маргарет! — Я подбежала к ней. — Что это ты делаешь?

Правда, я и так знала: когда наступает весна, Маргарет делается самой собой в квадрате. То есть она и всегда чистюля, а тут становится чистюлей вдвойне и надраивает всё, что попадается

под руку, даже если оно не её. Например, двери лифта у нас в вестибюле или парковочные счётчики на улице.

— Весенняя уборка! — объявила Маргарет, да так радостно, будто сообщала: «У меня сегодня день рождения!» или «Меня всю жизнь будут кормить конфетами бесплатно!». И давай тереть утёнка ещё сильнее.

Мама и папа поспешили за моим младшим братцем, который направился к пруду, а я присела около утят.

— Твоя мама тебе это разрешает? — спросила я. Мне стало интересно: может, мама Маргарет от весенней погоды тоже чуточку спятила? Я повертела головой, высматривая её: хотелось бы мне увидеть маму Маргарет, у которой слегка поехала крыша.

Маргарет указала на компанию ребят, которые играли неподалёку в бейсбол — тренировали поддачи.

— Мама сегодня обедает с Аланом. Меня выгуливает Митчелл. Он сказал: чисти что хочешь, только не трогай мои бейсбольные шмотки.

Она выпрямилась и бросила на брата сердитый взгляд. Пальцы её стискивали губку так, что пена пузырилась. Ясное дело — правило, придуманное Митчеллом, её бесило.

— Вообще-то все бейсбольные вещи должны быть белоснежными! — крикнула она брату.

В ответ Митчелл только широко улыбнулся и помахал ей бейсбольной рукавицей — и преспокойно продолжил игру. Весной он тоже становится Митчеллом в квадрате. Не из-за весенней погоды, а потому, что команда «Ред Сокс» возвращается в город. Митчелл говорит, это величайшая команда во вселенной и рано или поздно его в неё примут. Он теперь всегда и везде носит с собой бейсбольную битку — можно подумать, у него три руки — и улыбается, рот до ушей, хоть завязочки пришей.

— Да брось ты, — сказала я Маргарет. — Зато вон утята у тебя как сверкают, класс!

Маргарет посмотрела на медные фигурки.

— Да уж, что правда, то правда! — И гордо улыbnулась. — По-моему, теперь мама-утка будет по-настоящему довольна. Похоже, будто она ведёт их к пруду? Может, она все эти годы мечтала добраться с ними до воды и как следует отмыть!

По-моему, мама-утка больше хотела найти утятам дом, если я верно помню сказку, но Маргарет я про это напоминать не стала. Вытащила блокнот и предложила:

— Хочешь, нарисую скульптуры? И пририсую много-много лучиков, чтобы показать, как чисто ты их отмыла! Могу ещё пририсовать корову. Пусть стоит и восхищается утятами.

— Корову?

— Ну да. — Я кивнула. — Фермеры приводили сюда, на Коммон-Велф-авеню, коров. Честное слово, Маргарет, я не шучу.

Маргарет взвизгнула, подскочила и в ужасе осмотрела подошвы туфельек.

— Это было давно. В старые добрые времена, — объяснила я.

При словах «старые добрые времена» Маргарет сморщилась. Я знала, о чём она подумала: в четверг нам предстояла экскурсия на ферму Плимут. Маргарет накинула сухую тряпку на спинку мамы-утки, села и в отчаянии закрыла лицо руками.

— Клементина, у них там земляные полы, — глухо сказала она. — Нам в пятницу показывали видео. Земляные! Сплошная грязь! Переселенцы подметали их каждое утро — можно подумать, это помогало навести чистоту! В старые добрые времена люди были поголовно чокнутые!

Она подняла голову и с надеждой посмотрела на меня.

— Слушай! Ты же обожаешь пачкаться. А едем мы с тобой в паре. Если там придётся трогать что-то грязное с виду, потрогаешь за меня?

— Ох, ну ладно уж, — еле слышно ответила я и ещё вздохнула — как можно тоскливее. Но в душе я ликовала: пачкаться и правда обожаю. —

Но тогда уговор: ты за это будешь защищать меня от всех, кто шумно ест.

С тех самых пор, как мы узнали, что на экскурсии третий и четвёртый классы будут обедать вместе, Маргарет мне все уши прожужжала: так и так, четвероклассникам запрещено кушать шумно. Я её сто раз спрашивала — а что будет, если кто-то зачавкает или захрустит. Она в ответ только бледнела как молоко и отказывалась отвечать. Я так поняла, за шум во время еды их ужасно наказывают.

— Если ты будешь кушать шумно, я ничем не смогу тебя защитить, — предупредила она. — Зато могу научить, что взять с собой, чтобы получилось обедать бесшумно. Договорились?

Я протянула руку — для воздушного рукопожатия. Его придумала Маргарет, потому что она страшно боится микробов: вдруг мои на неё переползут?

Маргарет показала на мой блокнот.

— Ну а теперь рисуй. Не забудь лучики. И чтобы никаких коров.

Только я достала карандаши, как вернулись мама, папа и братик.

Маргарет подозрительно глянула на мамин живот и попятилась.

Мама рассмеялась:

— Не бойся, ещё только через несколько месяцев.

Мы сто раз говорили Маргарет: пока опасаться нечего, но она всё равно шарахается, будто младенец может родиться в любую секунду, вот прямо выкатится ей на руки.

— Уф, хорошо. — Маргарет вздохнула с облегчением. Но ближе не подошла. Даже пока мой папа фотографировал её около начищенных до блеска утят, она опасливо косилась на маму.

Тут мой брат опять куда-то побежал, родители за ним — и меня поманили с собой, но я осталась договорить с Маргарет.

— Маргарет, а чего ты так боишься младенцев? — спросила я.

— Клементина, они ведь недаром носят подгузники, — объяснила Маргарет. — А рождаются без них.

Я не нашлась, что на это ответить, поэтому попрощалась с мамой-уткой, слегка её погладив.

Прогулка получилась отличная. Я всё высматривала коров — а вдруг какой-нибудь современный фермер спохватится: «В старые добрые времена умели развлекать коров! Пожалуй, выведу и я своих на прогулку». В парке сейчас ещё интереснее, чем раньше, — коровам бы понравилось, я уверена. И мне бы понравилось. Только вообразите: коровы кружат на каруселях, коровы отдыхают на скамейках, коровы посещают уличные туалеты — ух, вот бы поглядеть!

Ничего такого я не увидела, зато мне на глаза попало много другого интересного. Я видела, как запускали воздушных змеев, и ещё какая-то тётянка проехала мимо на одноколёсном велосипеде, и ещё вокруг цвели миллионы нарциссов. А вот рабочие что-то долбят отбойным молотком! От такого зрелища мой брат запрыгал, будто на пружинках. Но больше всего вокруг было зелени, которая спешила вырасти и распуститься. На ветвях появились розовые почки. Сквозь унылый ковёр прошлогодней листвы так и лезли ярко-зелёные травинки. А вокруг дубов из каждого опавшего жёлудя выстреливали зелёные побеги.

Тут я вспомнила, что прошлой осенью посадила за домом парочку яблочных семечек. И с тех пор, как сошёл снег, ещё не проверила, проклюнулись ли они.

Как только мы вернулись с прогулки, я побежала за дом. У меня была сложена кирпичная загородка — защитить будущее дерево. Внутри намело сухих листьев. Я их выгребла, и знаете, что обнаружилось под ними?

Стебелёк! Настоящий живой зелёный стебелёк и на нём — листики!

Я понеслась в дом.

— Ура! Родился, родился, родился!

Папа встревоженно посмотрел на маму, а она похлопала себя по животу. Похоже, они оба

испугались, что младенец внутри услышит меня и тоже решит родиться побыстрее.

— Кто родился?

— Не кто, а что! Пошли, покажу!

Я схватила за рукав маму, а она папу, а он подхватил с дивана братика. Потом я вывела всю нашу семейную процессию к своей клумбе, раскинула руки и пропела:

— Тада-да-дам-м-м! Родилась моя яблоня!

Родители и брат заплодировали, будто я показала им настоящее чудо. Вообще-то так оно и было.

— Я буду поливать её и заботиться о ней, и она вырастет большая-пребольшая, — сказала я. — А потом на ней созреют яблоки и будем есть их, сколько захотим.

Я изобразила, будто срываю с воображаемого дерева воображаемые яблоки и раздаю всем. Даже Шпинат уловил шутку и прикинулся, что хрустит воображаемым яблоком и оно вкусное. Правда, папа сказал, у него в яблоке червяк, но всё равно мы согласились, что таких замечательных яблок в жизни не пробовали.